

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е.Н. Викторук*

ВИКТОР АСТАФЬЕВ И ЛОУРЕНС КОЛБЕРГ
О ДИНАМИКЕ МОРАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Этика в единстве теории и практики претерпевает в данное время существенные изменения: новые теории, новый моральный язык отражают изменения в морали, которая характеризуется специалистами как пострациональная, мораль общества «ранней глобализации». Ценности и императивы новой социальной этики только формируются и поэтому «размыты», нечетко в различных этических экзистенциалах фиксируются идеи, которые станут классикой будущей моральной философии. Научной гипотезой нашего исследования неклассических моделей этической аргументации является то, что спонтанные этики различных типов (эмпиристские, эстетические, виталистические) в различных понятийных средствах выражают новые идеи, которые «носятся в воздухе» и еще не имеют четкого категориального аппарата для своего выражения. Для иллюстрации мы возьмем идею морального развития субъекта. Динамика морального субъекта анализируется психологией, но чужда классической этике. Для этики традиционного общества характерно «бинарное» построение морали субъекта: либо нравственный – либо порочный. Признание «степеней моральности» крайне важно для современного человечества, поскольку рефлексия морального сознания как «растущего», имеющего в своей динамике «прорывы и отступления» позволяет теоретически обосновать необходимость «покаяния», «прощения», «милосердия», «сострадания», а также осознать значение этих моральных феноменов в подлинно человеческом бытии.

Одной из таких современных тем является теория развития морального субъекта, разработанная американским психологом Лоуренсом Колбергом и лишь недавно вошедшая в учебники по этике бизнеса и деловой этике. Не секрет, что современная психология в теории и практике представляет собой эмпиристский тип неклассического морального теоретизирования. Об этической «нагруженности» современного психоанализа мы уже подробно говорили в одной из наших работ [1]. Принципиальная новизна идеи Л.Колберга состоит в том, что моральное сознание претерпевает трансформации, обусловленные физиологическим, социальным, образовательным ростом субъекта. Колберг двадцать лет исследовал американских мальчиков для того, чтобы выявить и подробно проанализировать **шесть основных ступеней в динамике морального субъекта**. Идеи Колберга мы попытаемся проследить в материале другой неклассической этики, которую относим к эстетически-эмотивистскому типу – в спонтанной этике, сформировавшейся в творчестве Виктора Петровича Астафьева. В.П.Астафьев в качестве материала этико-психологического исследования берет себя, людей, которых знает с детства и которых узнал уже взрослыми, и в художественных образах, открывая самые потаенные уголки души, раскрывает, как «растут» совесть, чувство долга, чувство справедливости, чувство стыда и раскаяния, бесконечная боль за народ и человечество. В то же время писатель «раскапывает», откуда вырастают жадность, ложь, предательство, подлость, трусость. В произведениях В.П.Астафьева описаны ступени, по которым душа человека поднимается (или опускается) в своем развитии и которые Л.Колберг характеризует как три важнейших уровня морального развития личности: **доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный**. Эти уровни раскрывают нравственное развитие индивидуумов и служат удобным средством для их классификации [2]. Большинство людей действуют на позициях первого уровня, говорит ученый, иногда на позициях второго, и редко кто достигает третьего уровня морального развития. В каждом из уровней выделяются две ступени, образуя тем самым шесть стадий в моральном развитии субъекта.

Доконвенциональный уровень характеризуется тем, что ребенок реагирует на культурные правила и масштабы «хорошего» и «плохого», «справедливого» и «несправедливого», но понимает эти масштабы в смысле физических или чувственных последствий действий (наказание, награда) или в смысле физической власти личностей, которые придают значимость этим правилам и масштабам (родители, учителя и т.д.). Этот уровень прекрасно иллюстрируется сюжетами «Последнего поклона», некоторые из них даже вошли в классику школьной программы по литературе. Цепочка рассказов, героем которых является мальчик дошкольного возраста Витя, живописует моральный базис светлой и открытой души, с которого «стартует» сознание, и моральные соблазны, которым оно подвергается.

В глубокое сопереживание радостям и горестям маленького героя «включаешься» очень быстро и просто. Первые рассказы «Последнего поклона» позволяют вновь пережить непосредственные радости детского

* © Е.Н. Викторук, 2006.

мироощущения: ожидания чуда («Деревья растут для всех»), доброты и сопереживания («Гуси в полынье»), радости труда и заслуженного отдыха, семейного благополучия («Запах сена») и т.д. Но с рассказов «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах», «Гори, гори ясно» начинается новый период в развитии морального субъекта. Как демон зла, соблазнитель и искуситель появляется на страницах романа левонтьевский Санька. Это Санька подбивает «андельскую» Витину душу обмануть бабушку Катерину, испортить новые штаны, жульничать в игре в бабки, доводит до крайней озлобленности в игре в лапту, за что, правда, получает такой удар мячом, что лечить его - злодея приходится все той же бабушке Катерине.

Первая ступень раскрывает моральное сознание, в котором моральные стандарты проникают в субъект без рефлексии, некритично. Но эта стадия заканчивается и наступает вторая – моральное сознание, которой Л.Колберг называет еще и обыденным. Нравственные принципы, которых придерживаются на данном этапе, - это мораль подчинения традиционной норме поведения, соответствующей определенной роли личности. Мотивация действий здесь более осознана, чем на первой ступени, так как здесь наличествует понимание того, что собой представляют нормы и правила морали. Однако во всех случаях признаваемая нами мораль - *это мораль, о которой мы узнаем от других*. О том, кто ты и какой ты, мы узнаем от других людей. Это они говорят нам «анделы» мы или «жиганы», «каторжане», ждет нас светлый путь или «кривая дорожка».

В рассказе «Конь с розовой гривой» Астафьев живописует ряд эмоциональных переживаний, свойственных модели «мошенничество (ложь) - его последствия»: сомнения, ощущение радости от простоты решения, страх, стыд, угрызения совести, легкое раскаяние, поиск заступника, надежда на избежание наказания, искреннее осознание вины, прощение со стороны взрослого. После того, как обман с подачи бессовестного Саньки уже осуществлен, в туюсь, набитом травой, горкой лежит несколько горстей земляники, а бабушка так доверчива, что даже не собирается заглядывать внутрь туюсь, начинается работа **совести**. Бесхитростная же душа не может утаить даже собственной попытки хитрить: Витя рассказывает Саньке о том, что совершил-таки подлог, и ...вновь попадает. Одно злодейство тянет за собой другое. Санька не только провокатор, но еще и шантажист, он грозит все рассказать бабушке Катерине, если не получит калач. Приходится красть калачи из собственной кладовки, еще и еще, «пока Санька не нажрался». Момент покаяния уже упущен, бабушка рано утром уезжает в город, и остается одно: ждать, чем все закончится.

Экзистенциальный опыт «бессовестного поведения» - каков он? Опыт «доконвенционального» уровня у маленького Вити остался положительным, повезло ему на любовь ближних. Бабушка Катерина знает, чего хочет ребенок, она знает, почему смошенничал, почему не признался, знает, что устыдился, но не набрался смелости признаться. Поведение бабушки Катерины в отношении проступка внука – это поведение субъекта шестого уровня. Это вовсе не означает, что бабушка такова всегда и во всем. В рассказе «Бабушкин праздник» мы видим множество «слабинок» ее характера, но именно принятие решений в экстремальных нравственно-этических ситуациях, характеризующееся бескорыстной любовью, самопожертвованием, состраданием, – это «семена», эмбрионы, мини-модели подлинно человеческого поведения, столкнувшись с которыми однажды, человек осваивает их как механизм моральной оценки и морального выбора.

Человек сотворил зло. Он не злодей, но совершил зло в силу определенных обстоятельств: а) очень хотелось получить пряник – коня с розовой гривой; б) нехорошие люди, которые всегда рядом, поспособствовали, посоветовали, подбили на злодейство. Человек устыдился своего проступка, но больше – устрасился наказания. Поэтому вначале страх наказания, а не раскаяние владеет душой ребенка. Он раскаялся внутри и малодушно надеется, что злодейство не будет замечено или хотя бы наказано. Он пытается искать пути избежать наказания. Дедушку как избавителя ждет мальчик, дедушка защитит. Но раскаяние должно быть искренним, а тот, кто принимает раскаяние, должен быть выше в моральном плане того, кто раскаивается. «Мера наказания» может быть соблюдена только более мудрым, более нравственным, тем, кто находится на постконвенциональном уровне морального развития. Он «воздаст» так, чтобы не допустить обиды, которая цепляется за обиду, он сумеет прервать цепь чувств обделенности, ущербности, страха, стыда, не загасив бесхитростности, любви и добра детской души.

Второй (конвенциональный) уровень развития морального субъекта также содержит две ступени. Первая из них называется Л.Колбергом «моралью хорошего парня или милой девушки». Здесь, отмечает ученый, самоцелью является исполнение ожиданий собственной семьи, группы или нации, без оглядки на непосредственные или очевидные последствия. Эта установка определена не только конформизмом, приспособлением к личным ожиданиям и общественному порядку, но и посредством лояльности, активного поддержания и оправдания порядка и идентификации с личностями и группой, которые выступают в качестве носителя порядка. На этой (третьей по порядку) ступени, по Колбергу, **живет большинство**. Хорошее поведение - то, которое нравится другим, помогает и одобряется другими. Возникает полная конформность в отношении стереотипных представлений о «естественном» поведении или поведении большинства. Этот уровень прекрасно иллюстрируется биографическими данными детдомовского периода во второй книге «Последнего поклона».

Рассказ «Без приюта» читают немногие из тех, кто любит и знает творчество В.Астафьева. Причина, наверное, в том, что здесь вскрывается один из серьезнейших «гнояников» человеческой души – «тихое пре-

дательство» по отношению к тому, кому ты мог и должен был помочь, но малодушно сделал вид, что ничего особенного не происходит. И пороки человеческие, безнравственное поведение зачастую происходят с молчаливого «разрешения» тех, кто преступно закрывает глаза на живущее рядом неблагополучие.

Вторая ступень второго уровня, ступень четвертая (или уровень 2.6), пишет Колберг, отличается *ориентацией на «закон и порядок»*. Следует вспомнить, что учение о развитии морального субъекта выполнено американским исследователем и его подопытными в течение двадцати лет были американские мальчики, для которых правовое воспитание вплетено в дошкольное, семейное и т.д. Можно было бы подумать, что в творчестве Астафьева будет трудно найти такой же естественный пример для иллюстрации данной ступени, как это было с предыдущими. На этой ступени господствует ориентация на закон и авторитет, фиксированные правила и поддержание социального порядка. Правильное поведение заключается в том, чтобы выполнять долг, оказывать уважение авторитетам и поддерживать имеющийся социальный порядок ради него самого. Четвертая ступень, стадия «закона и порядка», прекрасно отражена в романе «Печальный детектив».

Участковый милиционер Леонид Сошнин – не просто личность, достигшая в своем моральном росте стадии закона и порядка. Правопорядок – это его профессия. Его жизнь – жизнь «в форме». Эта жизнь хороша своей простотой, поскольку не нужно задумываться и классифицировать «добро» и «зло». Но переход на третий уровень непрост и опасен, поскольку здесь человек задается вопросом *об обоснованности моральных норм, которых он придерживается*. Это уровень морального субъекта, уже вышедшего из-под внешнего морального контроля, но еще не освоившего морального самоконтроля. Л.Колберг называет это «ступень 4,5». Ученый пишет: «Этот уровень... еще не снабжен принципами. Решение здесь личное и субъективное. Оно базируется на чувствах. Совесть рассматривается как произвольная и относительная, точно так же как идеи «долга» и «морально правильного». Вопросы, которые задает себе моральный субъект на этой ступени, таковы: Почему я должен соглашаться с тем, что законодатели предложили мне считать правильным или неправильным? Откуда они знают?»

Детектив (милиционер) Сошнин в романе Астафьева потому и печален, что отходит от ценностей конвенциональных. Третий уровень с его ориентацией на социальный договор и даже универсальной ориентацией связан с глубокой и тяжелой работой самопознания. Мы видим, какая непосильная работа души нужна, чтобы «получить пропуск» на следующий уровень морального развития. «Как это трудно! И сколько мужества и силы надо, чтобы «мыслить и страдать» все время, всю жизнь без перекура и отпуска, до последнего вздоха!» [3, с. 29]. Опасный круг ступени 4,5 размыкает моральный субъект на 6-й ступени своей болью и желанием разобраться во всем, покаяться за все человечество, вернуться к единственным истинным ценностям – семье, труду, безусловному признанию ценности жизни и достоинства человека.

Моральное поведение на третьем уровне связывают с **кантовскими представлениями о морали**. Это уровень самолично признаваемых нравственных принципов, на котором человек признает принципы морали не потому, что общество считает их правильными и приемлемыми, а потому, что он сам осознает правильность принципов и понимает, что именно делает их правильными. Шестая ступень характеризует субъекта, реального человека, осознавшего универсальные принципы морали, самого творящего эти принципы. Виктор Петрович Астафьев как человек, писатель, общественный деятель, страдалец, герой – пример ступени 3.6 - уровня автономного морального субъекта.

Субъект шестой ступени имеет право жить по собственным моральным стандартам уже потому, что до дна испил чашу человеческих страданий (мы уже приводили пример бабушки Катерины). Это дает ему право «судить», но карать и миловать может только Абсолют. Субъект шестого уровня знает, что это не его уровень компетенции, ведь он всего лишь – человек.

Моральный императив Астафьева для субъекта шестого этапа морального развития: «Надо жить, и пока живешь, дерзать, перебарывая сопротивление и неуверенность свою, изжигая сердце, насаживая память». Динамика морального субъекта, а не его «застывшее» состояние – вот, что выполняет функцию морального воспитания через покаяние и «очищение». Присоединяясь к исповеди, к описанному раскаянию, читатель с помощью писателя как своего духовника получает отпущение грехов (что взять-то с тебя, голодного, обиженного государством, сиротской долей, нищетой, незащищенностью?) и **благословение** на праведную жизнь, просто **на жизнь**.

Творчество В.П. Астафьева – спонтанная этика, моральные стандарты которой задает моральный субъект, находящийся на самом высоком, по Колбергу, уровне развития. Это практическая философия, в которой искусством слова писатель-педагог раздвигает границы маленьких, локальных судеб до глобальных и вселенских и ищет границу, отделяющую человека от дикаря. Эта граница столь мала, что подобна капле, которая, срываясь с листа, обрушивает весь мир. Одно слово несет в себе жизнь, оно же уничтожает жизнь: «...на фронте цепенел возле орудия боец, ... ожидая голос команды, который сам по себе был только слабым человеческим голосом, но он повелевал страшной силой – огнем, в древности им обожествленным, затем обращенный в гибельный смерч. Когда-то с четверенек взнявшее человека до самого разумного из разумных существ, слово это сделалось карающей его десницей. «Огонь!» - не было и нет для меня среди известных мне слов слова ужасней и притягательней» [4, с. 56]. Зло и добро в одном слове. И сколько же надо мудрости, чтобы сохранить жизнь и отвести смерть. Зло невозможно победить в мире, можно лишь все

время стремиться победить его в себе. Таково одно из базовых положений новой социальной этики, этики глобализирующегося общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали: монография / Е.Н. Викторук. – Красноярск, 2002. – 188 с.
2. Kohlberg Lawrence. The Philosophy of Moral Development. NY: Harper & Row, 1981.
3. Астафьев В.П. Печальный детектив / В.П. Астафьев; собр. соч.: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т.9.
4. Астафьев В.П. Царь-рыба / В.П. Астафьев; собр. соч.: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т.6.